

От тов. Ежова

230

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

Направляю Вам протокол допроса ЗАЙЦЕВА А.Д., от 24-27 декабря 1936 г.

ЗАЙЦЕВ привлечен к следствию Управлением НКВД Саратовского края, как активный участник контр-революционной террористической организации правых, скрывший известную ему террористическую и организационную деятельность центра правых во время следствия в 1933 году. (ЗАЙЦЕВ привлекался и был осужден на 3 года к заключению в Суздальскую тюрьму по делу саратовской группы правых).

ЗАЙЦЕВ дал подробные показания о контр-революционной террористической деятельности правых, проводившейся под руководством центра: БУХАРИНА, РЫКОВА, ТОМСКОГО и УГЛАНОВА.

ЗАЙЦЕВ, со слов АСТРОВА, показывает, что переход к террористическим средствам борьбы был совершен контр-революционной организацией правых в полном согласии с троцкистским центром.

Допрос ЗАЙЦЕВА продолжаем.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Е. Ж. С. В.)

" 5 " января 1937 г.

№ 55104

ЗАЙЦЕВ А., Александра Даниловича

от 24-27 декабря 1936 года.

ЗАЙЦЕВ А.Д., 1899г.р., по национальности - чуваш, с высшим образованием, быв.член ВКП/б/, исключен из партии в 1933г. за принадлежность к к.-р. организации правых. В 1933г. был осужден к 3 годам лишения свободы и по 1936г. находился в заключении в Суздальской тюрьме.

Вопрос: В своих показаниях от 15 ноября 1936 г. вы, признав себя одним из руководителей контр-революционной организации правых в г. Саратове и свою связь с правыми в Москве, скрыли от следствия самое существенное в контр-революционной деятельности правых. Вы ничего не сказали о террористической деятельности против руководства ВКП/б/ и советского правительства. Мы располагаем данными, что вам об этой деятельности не только было известно, но что вы лично в ней принимали участие?

Ответ: Да, при первом допросе у меня не хватило решимости рассказать Вам всю правду. Я хочу стать на путь исчерпывающих и правдивых показаний по поставленному мне вопросу.

Вопрос: Хорошо. Когда и при каких обстоятельствах вы впервые получили установку о переходе к террору в борьбе с руководством партии и правительства?

Ответ: В начале 1932г., тут-же после исключения из партии СЛЕПНОВА, в Саратов из Астрахани приехал УГЛАНОВ. В тот же самый день СЛЕПНОВ, зайдя ко мне после занятий в Пединституте, сообщил об этом и просил меня зайти к нему, сказав, что "приехал УГЛАНОВ - поговорим". Он указал время когда зайти к нему на квартиру. Я в связи с чем-то немного задержался и когда пришел на квартиру к СЛЕПНОВУ, застал уже там разговаривающими СЛЕПНОВА и УГЛАНОВА, была тут же и ШАЛАНОВА, выполнявшая хозяйские обязанности.

Вопрос: Какие же у вас были разговоры?

Ответ: Восстановить всю последовательность разговоров мне трудно. Темы разговоров менялись. УГЛАНОВ рассказывал об условиях работы в Астрахани. Говорил, как он здесь в Крайкоме проводил разные решения. Были разговоры о его жене. Насколько вспоминается, с этого мы и перешли к разговору на политические темы. УГЛАНОВ начал нам рассказывать о своей жене, что это очень упорный, с большим характером человек, сославшись при этом на то, что он (УГЛАНОВ) подал заявление о капитуляции, а жена его этого делать не хочет. Отзывался он о своей жене с похвалой, но тут же указал, что в своей стойкости по тактическим соображениям она неправа и что надо было подать заявление - иначе не сохранишь себя в партии.

Дальше пошли разговоры на тему об изоляции сталинского партийного руководства. По мнению УГЛАНОВА - изоляция уже наметилась. Говорили, что если и дальше будет идти процесс изоляции (а УГЛАНОВ уверял, что процесс безусловно пойдет дальше, потому что экономическое положение, как в городе, так и в деревне тяжелое), то только СТАЛИН с небольшой кучкой своих приближенных будет являться единственным препятствием к возврату лидеров правых к руководству. В силу этого остается только один путь - убрать СТАЛИНА.

Вопрос: Что значит убрать СТАЛИНА, как Вы это поняли?

Ответ: Я и СЛЕПКОВ поняли, что убрать СТАЛИНА значит убить его.

Вопрос: Продолжайте дальше свои показания?

Ответ: Когда УГЛАНОВ это обосновывал, приводя факты изоляции сталинского руководства, мы со СЛЕПКОВЫМ вставляли те или отдельные замечания. Я помню, что я расхваливал УГЛА-

ВА как массовика, человека, который знает чем дышит масса и чем она живет. Мнение УГЛАНОВА относительно того, что СТАЛИН останется со своей кучкой приближенных один, со стороны СЛЕПКОВА и моей не только не встретил возражений в какой-либо мере, но наоборот, мы с этим были вполне согласны.

Вопрос: Встречались ли Вы еще с УГЛАНОВЫМ в Саратове?

Ответ: Да. Я еще раз встречался с УГЛАНОВЫМ у себя на квартире перед его въездом в Москву. При этой встрече присутствовали СЛЕПКОВ, ЛЕВИНА, СОКОЛЬСКАЯ (жена ПЕТРОВСКОГО), СМЕРНОВА и я - ЗАЙЦЕВ. Я поинтересовался у него значением одной фразы, которую УГЛАНОВ произнес накануне у СЛЕПКОВА: "Троцкисты и на этот раз (т.е. в вопросе о терроре) оказались дальновиднее, чем мы". В пояснение этой фразы УГЛАНОВ, успокоенный на счет присутствующих, сообщил, что он виделся раза два три со СМЕРНОВЫМ И.Н., в частности в Саратове во время своих наездов из Астрахани. Он видел СМЕРНОВА перед отъездом последнего за границу, кажется на квартире у КАСПАРОВОЙ. СМЕРНОВ И.Н. тогда выяснил у него оценку правыми положения в стране и в партии и интересовался тактическими установками центра правых. СМЕРНОВ И.Н. сообщал тогда УГЛАНОВУ о своей позиции. СМЕРНОВ считал применявшиеся до того времени формы борьбы со сталинским руководством партии черезчур пассивными и говорил, что в кругах троцкистов зреют настроения о переходе к более решительным формам борьбы, чем до сих пор. СМЕРНОВ сказал УГЛАНОВУ, что для того, чтобы ознакомиться с установками "хозяина", т.е. ТРОЦКОГО по этому вопросу и получить директивы, он собирается использовать свою заграничную поездку. Он говорил, что доложит ТРОЦКОМУ не только о настроениях по этому вопросу троцкистов, но и о настроениях других групп, ведущих борьбу со сталинским руководством.

Затем УГЛАНОВ рассказывал нам, что по приезде СМЕРНОВА И.Н. из-за границы он снова имел с ним встречу, при этой встрече СМЕРНОВ рассказывал ему -УГЛАНОВУ, что привез от ТРОЦКОГО директиву об организации террора против руководства ВКП/б/. И наконец, УГЛАНОВ сообщил нам, что в конце 1931 г. центр правых по его, УГЛАНОВА, докладу также принял решение о переходе к террору, как методу борьбы против сталинского руководства.

Я спросил, означает ли этот факт заключение блока с троцкистами. УГЛАНОВ отвечал, что блока еще нет и что центр правых находится еще в некоторой нерешительности в этом вопросе, так как опасается, что троцкисты потом (т.е. после устранения СТАЛИНА) сильно оттеснят правых, имея такого крупного вождя, как ТРОЦКИЙ и имея такие большие кадры опытных организаторов.

Вопрос: Когда Вам стало известно о существовании и составе центра правых?

Ответ: В 1928 г. в Москве после июльского пленума ЦК мне впервые стало известно, кажется от АСТРОВА, о наличии руководящего центра правых в составе БУХАРИНА, РЫКОВА, ТОМСКОГО и УГЛАНОВА. Позже, когда правые перешли в подполье, я узнал от СЛЕПНОВА и ПЕТРОВСКОГО, что центр, который руководил борьбой правых в прежний период сохранился и продолжает руководство нелегальной деятельностью правых.

Вопрос: А разве БУХАРИН не говорил Вам о существовании центра?

Ответ: Да. БУХАРИН мне весной 1932 г. во время встречи у АЙХЕНВАЛЬДА также подтвердил наличие руководящего центра правых.

- 5 -

Вопрос: Известно ли Вам о существовании московского центра правых?

Ответ: Да. Мне известно, что существовал и московский центр правых, состоявший преимущественно из углановцев. Помимо Москвы группы правых имелись и в ряде других городов. СЛЕПКОВ говорил мне еще весной 1932 г. о наличии групп правых (с участием бухаринцев) в Ленинграде, Свердловске, Воронеже, Казани, Ростове на Дону и, кажется, в Новосибирске. АЛЕКСАНДРОВ П. в январе 1933 г. и НЕСТЕРОВ - в Суздальском изоляторе (в 1933-34 г.г.) подтверждали это сообщение СЛЕПКОВА по отношению к Свердловску, а САПОЖНИКОВ в апреле 1933 г. (при отправке в Суздальский изолятор) - в отношении Воронежа.

Свердловская группа была связана, главным образом, с РЫКОВЫМ (преимущественно через НЕСТЕРОВА, быв. секретаря РЫКОВА). НЕСТЕРОВ мне рассказывал, что во время поездки РЫКОВА в Свердловск с докладом на областную партконференцию (1929-30 г.г.) Свердловская группа получала указания непосредственно от РЫКОВА, а во время конференции Академии Наук в Свердловске (кажется в 1932 г.) - от МАРЕЦКОГО, приехавшего на конференцию, при чем МАРЕЦКИЙ в свою очередь передавал непосредственные указания БУХАРИНА.

Вопрос: Что Вам известно еще о составе свердловской группы правых, а также о составе групп в Ленинграде, Воронеже, Казани, Ростове, Новосибирске?

Ответ: Полного состава периферийных групп правых я не знаю. Мне известно, что в свердловской группе участвовали НЕСТЕРОВ, АЛЕКСАНДРОВ Павел и КАРМАЛИТОВ. Ленинградская группа правых возглавлялась МАРЕЦКИМ.

- 6 -

Кроме МАРЕЦКОГО по Ленинграду я никого не знаю. В воронежскую группу правых входил САПОЖНИКОВ Павел, в казанскую - СЛЕНКОВ Василий и МЕДВЕДЕВ (быв. ассистент АЙХЕНВАЛДА). Ростовскую группу правых с марта - апреля и по июль мес. 1932 г. возглавлял СЛЕНКОВ А. Кто ею руководил до и после СЛЕНКОВА - мне неизвестно. Кроме того осенью 1932 г. мне СЛЕНКОВ В. говорил, что в группу правых в Новосибирске входит КУЗЬМИН Владимир.

Вопрос: А существовала саратовская группа правых и в каком составе?

Ответ: Что касается саратовской группы правых, то строго говоря, ее образование относится к 1931 г., ко времени приезда в Саратов СЛЕНКОВА и ЛЕВИНОЙ. Состояла она из СЛЕНКОВА, ПЕТРОВСКОГО, меня - ЗАЙЦЕВА и ЛЕВИНОЙ (главный руководитель СЛЕНКОВ). В начале 1932 г. после отъезда СЛЕНКОВА в Москву и Ростов, группа состояла из ПЕТРОВСКОГО, меня - ЗАЙЦЕВА, МИРОВА и ЛЕВИНОЙ (главный руководитель ПЕТРОВСКИЙ), а с осени 1932 г., вплоть до моего ареста - из меня - ЗАЙЦЕВА, ЛЕВИНОЙ и ЛАПКИНА (главный руководитель - я - ЗАЙЦЕВ).

Вопрос: Как вы восприняли директиву УГЛАНОВА о переходе к террору против руководства ВКП/б/?

Ответ: Я должен откровенно сказать, что эту директиву ни я, ни СЛЕНКОВ не восприняли, как абсолютно новую.

Вопрос: Почему для Вас это не было новым?

Ответ: Про себя я скажу, что я и раньше приходил к этому же выводу, но не решался произносить это вслух.

Вопрос: Вы были озлоблены против руководства ВКП/б/?

Ответ: Я ненавидел СТАЛИНА, который, как мне казалось, вел страну к гибели. Я воспринял слова УГЛАНОВА о необходимости террора против СТАЛИНА так: этот человек говорит вслух то же самое, что я думаю про себя. В этом вопросе у нас был полный контакт с верхами. Центр сказал вслух о том, о чем мы думали, но не решались говорить.

Вопрос: Кому из участников контр-революционной организации правых в Саратове Вы и СЛЕПНОВ передали директиву о терроре, полученную Вами от УГЛАНОВА?

Ответ: Первоначально, вплоть до отъезда СЛЕПНОВА из Саратова, директива о терроре обсуждалась крайне узким кругом лиц, в составе СЛЕПНОВА, ПЕТРОВСКОГО, ЛЕВИНОЙ Т. и меня - ЗАЙЦЕВА. Это происходило обычно на квартирах ПЕТРОВСКОГО и моей.

После отъезда СЛЕПНОВА из Саратова к обсуждению данного вопроса был привлечен ШИРОВ. В отношении остальных членов организации мы ограничились в тот период их постепенной осторожной обработкой и подготовкой к усвоению ими директивы о терроре.

Вопрос: Когда Вы перешли к более активному проведению в жизнь директивы центра правых о терроре?

Ответ: Это произошло в результате моей поездки в Москву в марте-апреле мес. 1932 г.

Вопрос: Расскажите подробно об этой поездке?

Ответ: Приехав в Москву, я сразу пошел к СЛЕПНОВУ А., который к этому времени жил уже в Москве. Он уехал из Саратова примерно на месяц раньше моей поездки в Москву. В разгово-

103

ре со СЛЕПКОВЫМ я выяснял действительно ли верно заявление УГЛАНОВА о том, что центр правых дал указание организовать террор против сталинского руководства. СЛЕПКОВ мне подтвердил, что центр правых действительно дал такую директиву, о чем ему было известно от БУХАРИНА, с которым он поддерживал ежедневную связь.

Встречаясь в Москве с АЙХЕНВАЛЬДОМ, АСТРОВЫМ, КАСПЕРСКОЙ а также со СЛЕПКОВЫМ А. и ШАЛАХОВОЙ, мы вели беседы по политическим вопросам: Все эти лица были осведомлены о директиве центра о переходе к террору и целиком ее поддерживали.

Я также выяснил из разговоров с этими же лицами, что нащупывается на базе террора возможность совместной борьбы против сталинского руководства правых с троцкистами. Мне известно, что МАРШКОВ, который был в то время в Ленинграде, был связан с рядом ленинградских троцкистов и зиновьевцев, в частности - он поддерживал близкие отношения с КАРЕВЫМ.

Вопрос: Когда и где Вы встречались с БУХАРИНЫМ?

Ответ: С БУХАРИНЫМ, насколько я вспоминаю, у меня были в эту поездку две встречи: одна на квартире у КАСПЕРСКОЙ, а другая - на квартире у АЙХЕНВАЛЬДА. Больше встреч с БУХАРИНЫМ в этот период не помню. БУХАРИН во время моего пребывания в Москве выезжал в Ленинград.

Вопрос: О чем Вы беседовали с БУХАРИНЫМ, встретившись у КАСПЕРСКОЙ?

Ответ: На квартире у КАСПЕРСКОЙ (жила она в доме "Правды" около консерватории) я встретился с БУХАРИНЫМ, насколько мне не изменяет память, числа 6-7 марта вечером. К КАСПЕРСКОЙ я

зашел со СЛЕПКОВЫМ А. Там мы застали БУХАРИНА и ТРАВИНУ. Вскоре пришел и АЙХЕНВАЛЬД. Пробыли мы у КАСПЕРСКОЙ около четырех часов. На этом собрании мы читали и обсуждали рукопись БУХАРИНА о "технике и экономике современного капитализма". Читали мы ее все по-очереди. В ходе обсуждения этой рукописи мы вели политические разговоры на злободневные темы.

Присутствие ТРАВИНОЙ не давало возможности ставить вопросы более открыто, так как еще до моей встречи с БУХАРИНЫМ СЛЕПКОВ высказывал подозрение о том, что ТРАВИНА является секретным сотрудником б. ОГПУ.

Тем не менее, в результате разговоров с БУХАРИНЫМ мне стало совершенно ясным следующее: во-первых, что БУХАРИН, как я и предполагал, нисколько не разоружился, несмотря на все свои обещания об этом, даваемые им неоднократно партии; во-вторых, что БУХАРИН сильно озабочен, чтобы сохранить сплоченность своих кадров; в-третьих, что он намерен сам и рекомендует своим ученикам проводить тактику особо изощренного двурушничества, тактику внедрения в доверие партии путем показа партии, что правые, якобы, хотят действительно сработаться с существующим партийным руководством.

Вопрос: О чем Вы беседовали с БУХАРИНЫМ, встретившись у АЙХЕНВАЛЬДА?

Ответ: На квартире у АЙХЕНВАЛЬДА я встретился с БУХАРИНЫМ вскоре после его приезда обратно с сессии Академии Наук. Это было примерно часов в 8 вечера. При этой встрече присутствовали, помимо БУХАРИНА, АЙХЕНВАЛЬДА и меня - ЗАЙЦЕВА, также МЕДВЕДЕВ - быв. ассистент АЙХЕНВАЛЬДА по г. Казани. При этой встрече я показывал БУХАРИНУ план своей теоретической

работы об экономике социализма". Он дал положительный отзыв, сказав, что может получиться очень интересная работа. По поводу этой работы БУХАРИН потом, осенью 1932 г., на квартире у СЛЕНКОВА расспрашивал мою жену СМЕРНОВУ К. - продолжаю ли я ее писать. Но основное в этой встрече было в политических разговорах. Здесь я услышал уже из уст самого БУХАРИНА, что директива о переходе к террору в борьбе со сталинским руководством есть действительно директива центра правых.

Обстоятельства, при которых было принято решение центра правых о переходе к террору в борьбе с руководством ВКП/б/ были, по словам БУХАРИНА, таковы: УГЛАНОВ сообщил из Астрахани о своем свидании со СМЕРНОВЫМ И.Н., после возвращения последнего из-за границы. СМЕРНОВ на этом свидании информировал УГЛАНОВА о том, что троцкисты с одобрения ТРОЦКОГО перешли окончательно на позиции террора против руководителей ВКП/б/. В это же время БУХАРИН получил аналогичное сообщение от СЛЕНКОВА, который также встречался в Саратове со СМЕРНОВЫМ И.Н. Тогда центр правых, обсудив это сообщение, решил, что директива ТРОЦКОГО о переходе к террору вытекает из всей обстановки и в свою очередь об этом сообщил по своей периферии. БУХАРИН мне сообщил также интересную подробность о некоторых разногласиях в центре правых, возникших при обсуждении информации УГЛАНОВА. Оказывается, ТОМСКИЙ прямо предложил немедленно, тут же пойти на блок с ТРОЦКИМ, но что он (БУХАРИН) и "Алексис" (т.е. РЫКОВ) согласились с сообщенным им мнением УГЛАНОВА - с блоком обходить. "Но логика есть логика" сказал БУХАРИН, - "в конце концов придется на это пойти".

Весь разговор был пересыпан озлобленными выпадами против СТАЛИНА со стороны присутствовавших. Я не узнавал БУХАРИ-

НА, "милого Бухарчика": передо мной была концентрированная ненависть. Когда я заметил, что "от этой сталищины окуанной дышать стало нечем", БУХАРИН, сделав характерный жест рукой, отозвался: "Да, убрать придется эту... (оскорбительное выражение), ни для науки, ни для чего нет ходу, сплошная казарма".

По вопросам тактики он просто повторил то, что говорил у НАСПЕРСКОЙ, т.е. то, что нам надо держаться тактики изощренного двурушничества, дескать "елейности больше, елейности"...

Вопрос: Расскажите о Вашей террористической деятельности в Саратове после приезда из Москвы?

Ответ: Если до моей поездки в Москву директива центра правых о переходе к террору обсуждалась в узком кругу лиц, то по возвращении моем из Москвы мы начали более решительно и активно обрабатывать вновь вовлеченных участников организации в террористическом направлении. Особую активность в этой работе проявляли ПЕТРОВСКИЙ, ЖИРОВ и я - ЗАЙЦЕВ.

В результате на путь признания террора, как формы борьбы со сталинским руководством, стали ЛАНКИН, ЛЕБЕДЕВ, НОВТУНОВ, а несколько позже - ХУДЯКОВ, СЯЕСАРЕВ и АЛЕКСАНДРОВ С.

Вместе с тем, я и ПЕТРОВСКИЙ решили не ограничиваться вербовкой новых единомышленников в ВУЗ'ах, а попытаться проникнуть в рабочую среду. Вскоре из информации ПЕТРОВСКОГО я узнал, что он дал ЛЕБЕДЕВУ по этому вопросу соответствующие указания.

В мае - июне мес. 1932 г. я и ПЕТРОВСКИЙ пришли к выводу о том, что прежние платформенные документы правых в тому времени уже устарели и что назрела необходимость составления новой платформы, о чем мы и решили довести до сведения СЛЕПНОВА. Для этого ПЕТРОВСКИЙ решил поехать и поведаться со

СЛЕПКОВЫМ. ПЕТРОВСКИЙ действительно виделся со СЛЕПКОВЫМ во время совместного отпуска около Геленджика (Северный Кавказ) в июле 1932 г. и говорил с ним на эту тему.

Вопрос: Сколько раз Вы были в Москве в 1932 г. после Вашей апрельской поездки?

Ответ: В Москве в 1932 г. я был еще два раза: в первый раз - проездом к своим родным, проживавшим в с. Кладбище, Алатырского района, Чувашской республики, в начале июля 1932 г. Во время этой поездки мне удалось встретиться только с МИРОВЫМ у него на квартире на Арбате. При чем из беседы с МИРОВЫМ я убедился, что последний попрежнему сохраняет обостренную ненависть к СТАЛИНУ.

Вопрос: Имели ли Вы какую либо связь с правыми, находясь в отпуску?

Ответ: Да, в конце отпуска, в 20-х числах августа я получил телеграмму из Москвы с перепутанным текстом без подписи. В телеграмме была такая фраза: "Ребята ждут". Я понял, что меня ждут в Москве мои единомышленники, но по чисто техническим причинам я в Москву не поехал, а выехал непосредственно в Саратов. Приехав в Саратов 31 августа, я узнал от только что возвратившейся из отпуска и бывшей проездом в Москве СМЕРНОВОЙ К., что эта телеграмма была отправлена ею по просьбе СЛЕПКОВА и ПЕТРОВСКОГО. Я вызывался на нелегальную конференцию бухаринцев, которая уже начиналась в день въезда СМЕРНОВОЙ из Москвы в Саратов.

Вопрос: Что Вам еще рассказывала СМЕРНОВА о конференции?

Ответ: СМЕРНОВА мне передала ряд деталей, связанных с подготовкой конференции. Она мне сказала, что на квартире СЛЕПНОВА она встречалась и говорила с БУХАРИНЫМ.

Вопрос: Кто из саратовских правых присутствовал на конференции?

Ответ: На конференции от саратовских правых присутствовали: ПЕТРОВСКИЙ, КИРОВ (живший тогда уже в Москве), ЛЕВИНА Т. и ЛАПКИН.

Вопрос: Что Вам рассказывал ПЕТРОВСКИЙ по приезде в Саратов о нелегальной конференции правых?

Ответ: ПЕТРОВСКИЙ вернулся из Москвы 25 сентября 1932 г. В разговоре со мной, при котором присутствовали также СМЕРНОВА К. и жена ПЕТРОВСКОГО - Соня, ПЕТРОВСКИЙ рассказывал о следующем: конференция правых была на квартире у АСТРОВА. Присутствовали на ней представители всех групп бухаринцев, которых удалось вызвать с периферии. Там были: АСТРОВ (Москва), ПЕТРОВСКИЙ (Саратов), ЛАПКИН (Саратов), САМОУЖИКОВ (Воронеж), МАРЕЦКИЙ (Ленинград), АЙХЕНВАЛЬД (Москва), РАДИН (Москва), АЛЕКСАНДРОВ П. (Москва) и насколько помню, ТРОЛЬМАН (Коминтерн). Непосредственными организаторами данной конференции являлись: СЛЕПНОВ, ПЕТРОВСКИЙ и МАРЕЦКИЙ.

На конференции был доклад АЛЕКСАНДРОВА П. на тему об экономическом положении СССР и прения. При чем прения не ограничивались экономическими вопросами, а затрагивали весь комплекс политических вопросов, а также вопросы дальнейшей тактики правых, исходя из принятого ранее решения центра правых о переходе к террору в борьбе со сталинским руководством.

Кроме того, ПЕТРОВСКИЙ рассказал мне об имевшем место после конференции собрании на даче у КОСОВА в Черемушках, где присутствовали СЛЕПКОВ, МАРЦКИЙ, ПЕТРОВСКИЙ, сам КОСОВ, ГОРЕЛОВ (троцкист). Насколько помню, со слов ПЕТРОВСКОГО, там был еще кто-то из троцкистов. Об этом собрании мне также ранее говорил и сам КОСОВ, накануне приехавший в Саратов и заходивший ко мне на квартиру.

КОСОВ также мне говорил, а ПЕТРОВСКИЙ затем подтвердил, что в Москве распространяется направленная против политики ВКП/б/ и ее руководства контр-революционная платформа и что ее усиленно разыскивает ГПУ. Ни ПЕТРОВСКИЙ, ни КОСОВ тогда мне авторов не называли.

Вопрос: Что Вам в дальнейшем стало известно о конференции правых и от кого?

Ответ: ПЕТРОВСКИЙ передал мне, что меня вызывает СЛЕПКОВ, который должен был на днях выехать в Ростов. Он вызывал меня в связи с тем, что ПЕТРОВСКИЙ должен был уехать из Саратова и я оставался основным руководителем саратовской организации правых. 25 сентября я выехал в Москву и 26-го был уже на квартире у СЛЕПКОВА.

На квартире у СЛЕПКОВА вместе со мной присутствовали СЛЕПКОВ Василий, АЙХЕНВАЛЬД, МАРКУС Елена с мужем и родные СЛЕПКОВА.

СЛЕПКОВ значительно подробнее информировал меня о конференции, подтвердив рассказанное ПЕТРОВСКИМ. СЛЕПКОВ рассказал об имевших место выступлениях на конференции (особенно выделил речь МИРОВА, как "блестящую") и о том, что сам он произнес речь по общеполитическим вопросам. По словам СЛЕПКОВА,

конференция пришла к следующим выводам: политика сталинского руководства обанкротилась. Экономика страны находится в состоянии полной дезорганизации. Материальное положение трудящихся резко ухудшилось и население голодает. Крестьянство резко враждебно к проводимой сталинским руководством политике, это выражается в саботаже хлебозаготовок. В колхозы большинство крестьян загнаны насильно. Рабочий класс также резко враждебен к сталинской политике. Энтузиазм рабочих (в частности соц. соревнование и ударничество) - выдуман. Партийная масса также враждебна к политике сталинского руководства. Начал колебаться даже партийный аппарат, который сдерживается мерами массовых репрессий. Заколебался не только низовой и средний актив партии, но даже целый ряд лиц из высших звеньев парт. аппарата.

Таким образом СТАЛИН и его ближайшие соратники являются единственным препятствием для прихода правых к власти.

Все это целиком оправдывает ранее данную установку центра правых о переходе к террору в борьбе против сталинского руководства. Обстановка требует, чтобы был сделан еще один шаг в борьбе против сталинского руководства, - не прекращая вербовки новых участников в свои организации, необходимо перейти к созданию узких террористических групп путем отбора наиболее решительных людей. Таким образом общая обстановка в стране и в партии оправдывает блок с прочими группами, ведущими борьбу против сталинского руководства, прежде всего с зиновьевцами, а также и с троцкистами.

Вот в сжатой форме та информация, которую мне тогда дал СЛЫНОВ о сентябрьской конференции бухаринцев.

Выводы этой конференции являлись более конкретным развитием той мотивировки о переходе к террору по отношению к сталинскому руководству, которую проводил УГЛАНОВ в Саратове в январе 1932 г.

Мне совершенно ясно сейчас, что данная конференция являлась сборищем подлинных, вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов.

Должен чистосердечно заявить, что с этими выводами конференции я был согласен целиком.

Вопрос: Какова была роль БУХАРИНА в этой конференции бузринцев?

Ответ: СЛЕНКОВ мне говорил, что этой конференцией руководил БУХАРИН. Впрочем до этого ПЕТРОВСКИЙ мне также передавал, что БУХАРИН виделся с рядом участников этой конференции и был им очень рад.

Вопрос: Выступал ли БУХАРИН на этой конференции?

Ответ: Этого точно я не знаю. Но я знаю от СЛЕНКОВА А., СЛЕНКОВА В., АЙХЕНВАЛЬДА и др. участников конференции, что позиция БУХАРИНА им была известна еще до начала конференции и что решения последней полностью отображали директиву БУХАРИНА.

Вопрос: О чем Вас еще информировал СЛЕНКОВ?

Ответ: Дальше я расспрашивал СЛЕНКОВА относительно контр-революционной платформы (известной под названием "рутинской платформы"), о которой мне вскользь говорили в Саратове КОСОВ и ПЕТРОВСКИЙ. СЛЕНКОВ подтвердил наличие платформы

и сообщил, что непосредственными авторами ее являются РИ-ТИН, он-СЛЕНКОВ и МАРЫЦКИЙ, но что "вожди" также знают эту платформу, в частности, ее читали и одобрили ВУХАРИН и ТОМСКИЙ. Относительно содержания платформы СЛЕНКОВ сказал, что оно соответствует выводам конференции и поэтому не стал излагать его, "чтобы не повторяться". Он ограничился лишь сообщением следующего: платформа резко заострена против СТАЛИНА и в ней говорится, что надо убрать СТАЛИНА.

СЛЕНКОВ дальше рассказывал о том, что он проводит свою работу в тесной увязке с УГЛАНОВЫМ.

Вопрос: Говорил ли Вам что либо СЛЕНКОВ о блоке с виновьевцами и троцкистами?

Ответ: Да. СЛЕНКОВ сообщил о заключении блока правых с виновьевцами и о переговорах на эту же тему с троцкистами и с группой СТЕНА-ЛОМИНАДЗЕ-ЩАЦКИНА. В частности, он рассказывал о совещании с троцкистами в Черемушках, где от правых присутствовали СЛЕНКОВ, МАРЫЦКИЙ и ПЕТРОВСКИЙ, а от троцкистов-ГОРЕЛОВ и еще кто-то (фамилии не помню). О переговорах с группой СТЕНА-ЛОМИНАДЗЕ он сказал, что тут "дело на мази".

Ввиду преобладающей важности блока с виновьевцами, я поинтересовался подробностями именно этого вопроса. СЛЕНКОВ сказал, что предварительные переговоры велись еще весной или в начале лета 1932 г., что в мае месяце было даже совещание, в котором участвовали ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ, а от центра правых-УГЛАНОВ и что переговоры были завершены свиданием ТОМСКОГО с КАМЕНЕВЫМ. Предметом переговоров ТОМСКОГО с КАМЕНЕВЫМ был не столько вопрос о признании террора, как метода борьбы со сталинским руководством (в этом вопросе обе стороны сошлись быстро, так как и та и другая сторона уже стояли на позициях признания террора), сколько вопрос о дележе власти на другой

день после свержения сталинского руководства. При чем, возвращение ТРОЦКОГО руководству предполагалось обоими сторонами с самого начала. Что касается всего состава руководства в целом, то лидеры правых в виде исходной позиции предлагали следующую комбинацию: ТРОЦКИЙ, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, БУХАРИН, ТОМСКИЙ, РЫКОВ. С этой исходной позиции, однако, пришлось будто бы сойти и окончательно договоренный состав руководящей группы был значительно шире. Правые, в конце концов, якобы, согласились на "гегемонию" в этой руководящей группе ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

Вопрос: О чем еще были разговоры на квартире СЛЕПКОВА?

Ответ: Во время моей беседы со СЛЕПКОВЫМ - прибежал СТЭН и уединившись, некоторое время разговаривал один на один со СЛЕПКОВЫМ. После ухода СТЭНА СЛЕПКОВ передал нам суть его сообщения - СТЭНА вызывали в ЦКК, при чем при входе в здание ЦКК он столкнулся с УГЛАНОВЫМ. Из поведения УГЛАНОВА, обрисованного СТЭНОМ, СЛЕПКОВ сделал вывод, что УГЛАНОВ в какой-то мере раскрыл в ЦКК нелегальную деятельность правых и прибавил, что его, СЛЕПКОВА, очевидно также вызовут в ЦКК. СЛЕПКОВ дал мне задание пойти к УГЛАНОВУ и проверить его (СЛЕПКОВА) предположение.

Я пошел к УГЛАНОВУ на его квартиру и застал его одного в состоянии крайнего нервного возбуждения. В разговоре с УГЛАНОВЫМ я установил, что последний намерен отделаться лишь двуручническим заявлением и что на деле он настроен весьма твердо и решительно. УГЛАНОВ сказал мне, что в случае, если на нас посыплются удары, оставшиеся на свободе участники организации правых должны немедленно приступить к организации террористических групп для убийства СТАЛИНА.

На мой вопрос о "рютинской платформе", УГЛАНОВ под -
твердил сказанное мне СЛЕНКОВЫМ, что составление платформы -
дело рук правых, что в нем принимали участие, как выразился
УГЛАНОВ, "наши ребята", что в частности, к нему дважды прихо -
дил по этому вопросу СЛЕНКОВ.

Далее УГЛАНОВ передал мне установку центра о том, что
перед партийными и следственными органами нужно категориче -
ски отрицать причастность центра правых к этой платформе.

С этими установками я и вернулся на квартиру СЛЕНКОВА.
Тут-же, после передачи мною СЛЕНКОВУ установок УГЛАНОВА, при -
шли сотрудники ОГПУ для его ареста. Добавляю, что на следую -
щий день нами были получены сведения об аресте ПЕТРОВСКОГО
и МАРЕЦКОГО.

Вопрос: С кем Вы еще встречались из правых во время
Вашей сентябрьской поездки в Москву в 1932 г. и о чем Вы с
ними разговаривали?

Ответ: На следующий день после ареста СЛЕНКОВА, ПЕТРОВ -
СКОГО и МАРЕЦКОГО, на квартире ШИРОВА состоялось совещание
бухаринцев, сказавшихся в Москве. На этом совещании присутство -
вали: ШИРОВ, АСТРОВ, СЛЕНКОВ В., ШАЛАХОВА, я - ЗАЙЦЕВ и несколько
помню - АЙХЕНВАЛЬД с РАДИНЫМ. Совещание пришло к выводу, что вви -
ду посыпавшихся ударов, директива УГЛАНОВА об организации тер -
рористических групп приобретает особую актуальность и что к
созданию террористических групп для убийства СТАЛИНА нужно
приступить немедленно, при чем правильность этой установки
обосновывал в речи я - ЗАЙЦЕВ.

Вопрос: На кем еще из руководителей ВКП/б/ и сов. прави -
тельства Вы намеревались совершать террористические акты?

Ответ: Я должен заявить, что в вопросе террора у правых не было разбросанности, которая имелаась у троцкистов и виновьевцев. Мы ставили своей единственной задачей - убийство СТАЛИНА.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания о дальнейших встречах с Вашими единомышленниками в Москве?

Ответ: На следующий день после совещания бухаринцев у ШИРОВА, я встретил СТЕНА (кажется, у здания исторического музея). Разговор зашел об уроках, вытекающих из ареста СЛИШКОВА, ПЕТРОВСКОГО и МАРЕЦКОГО, при чем СТЕН также согласился, что одобренная совещанием бухаринцев установка, полученная мною от УГЛАНОВА о необходимости немедленно приступить к подготовке террористического акта против СТАЛИНА, верна.

В тот же день вечером, придя на квартиру к КАСПЕРСКОЙ, я застал у нее РАДИНА и ГОЛЬДМАНА (или ГОЛЫМАНА - одного из бывших секретарей РЫКОВА), которые рассказывали, что РЫКОВ крайне встревожен арестом СЛИШКОВА, ПЕТРОВСКОГО и МАРЕЦКОГО и выражает опасения, как бы не был арестован УГЛАНОВ.

На следующий же день я выехал обратно в Саратов.

Вопрос: Когда Вы еще ездили в Москву?

Ответ: В Москве я был еще раз в начале января 1933 г. Это был последний приезд в Москву, так как в марте месяце 1933 г. я был арестован.

Вопрос: Расскажите, как протекала Ваша юнтр-революционная работа в Саратове между сентябрьской и январьской поездкой в Москву?

Ответ: После моей осенней (1932 г.) поездки и вплоть до ареста в марте 1933 г. деятельность нашей к.-р. организации в Саратове состояла в выполнении директивы центра правых о создании террористических групп. Организатором этой работы по Саратову являлся я - ЗАЙЦЕВ (я уже показывал, что после ареста ПЕТРОВСКОГО руководство контр-революционной организацией правых в Саратове перешло ко мне).

Ввиду малочисленности основной группы организации (отсутствие ПЕТРОВСКОГО и ЖИРОВА, отъезд СЛЕСАРЕВА и АЛЕКСАНДРОВА), оставшиеся участники получили задание продолжать строго законспирированную вербовку новых единомышленников и постепенную обработку недавно завербованных в духе террористических установок центра с целью последующего отбора более решительных элементов для создания террористической группы. Работу по отбору подходящих для террора людей наиболее активно проводили: я - ЗАЙЦЕВ, в Плановом институте; ЛАНКИН - в колхозном институте; ЛЕБЕДЕВ и КОВТУНОВ - в системе ВИСХ'а;

Ко времени моей поездки в Москву в начале 1933 г., я подводя итог этой работы, пришел к выводу, что наиболее решительными по особенностям характера людьми, пригодными для террора, являются: ЛЕБЕДЕВ К., ЛАНКИН, ХУДЯКОВ и по заявлению ЛАНКИНА - НОСОВ. Были еще некоторые (в Плановом институте - ТИМОТ и НОВОСЕЛОВ, в Колхозном институте - ЕВСЕЕНКО и еще кто-то; в системе ВИСХ'а - по сообщению не то ЛЕБЕДЕВА, не то КОВТУНОВА, ТОЧЕННЫЙ и кажется ГАВВА), которые были настроены тоже крайне решительно и озлобленно в отношении руководства ВКП/б/, но неуравновешаны по характеру, а потому для задач террора не подходили.

Должен также сказать, что я в то время поддерживал связь с РЕЗНИКОМ (участником контр-революционной группы ЛОМИНАДЗЕ-СТЕНА-ШАЦКИНА), который проводил троцкистскую работу в тех ВУЗ'ах, где он преподавал, в частности - среди аспирантов Пединститута. В неоднократных разговорах с ним я убедился, что РЕЗНИК является вполне законченным сторонником и восторженным поклонником ТРОЦКОГО, что он теснее связан с ЛОМИНАДЗЕ, а также с зиновьевцем КАРЕВЫМ, с которым постоянно переписывался.

Вопрос: Расскажите сейчас про Вашу последнюю поездку в Москву?

Ответ: Я выехал в Москву в начале января 1933 г. и пробыл там 3-4 дня. Целью поездки было поставить центр правых в известность о проделанной работе по выявлению репрессивных элементов в нашей организации, пригодных для террора, а также узнать, как ведется аналогичная работа в Москве и нужно ли ее продолжать дальше.

В Москве я свиделся прежде всего с АЛЕКСАНДРОВЫМ Павлом от которого узнал, что террористическая работа в Москве ведется, что у АЙХЕНВАЛЬДА, с которым он часто видится, имеется для целей террора несколько человек и что у ЖИРОВА в ОГИЗ'е то же что-то наметилось. ЖИРОВ, при моем его посещении на его квартире (около Смоленского рынка), подтвердил сказанное АЛЕКСАНДРОВЫМ. АЙХЕНВАЛЬД, когда я был у него на квартире с АЛЕКСАНДРОВЫМ, также подтвердил сказанное раньше АЛЕКСАНДРОВЫМ и назвал даже фамилию СНИТКИНА - одного из слушателей института Красной Профессуры.

Считаю необходимым сообщить следствию, что и АЛЕКСАНДРОВ и ЖИРОВ, и АЙХЕНВАЛЬД рассказывали мне о провале контр-рево-

люционной группы ЭЙСМОНТА-ТОЛМАЧЕВА. Когда я с АЙХЕНВАЛЬДОМ встретил РАДИНА недалеко от Госплана, то он нам сообщил подробности об этой группе. Эта группа была связана с центром правых (кажется через ШМИДА В.); РАДИН об ЭЙСМОНТЕ-ТОЛМАЧЕВЕ и СМЕРНОВЕ А.Н. сказал, между прочим, что это люди "решительные", хотя и поддерживают с ними (ЭЙСМОНОМ, СМЕРНОВИМ А.Н.) связь и одобряют их деятельность".

Вопрос: Виделись ли Вы в Москве с БУХАРИНЫМ?

Ответ: Да.

Вопрос: Расскажите подробно об этой встрече с БУХАРИНЫМ?

Ответ: Я попросил АЙХЕНВАЛЬДА устроить мне свидание с БУХАРИНЫМ. С БУХАРИНЫМ я увиделся на квартире у КАСПЕРСКОЙ. Это было накануне открытия январьского пленума ЦК ВКП/б/, вечером. При этом присутствовали КАСПЕРСКАЯ и АЙХЕНВАЛЬД. Кроме того вскоре подоспел ЖИРОВ. Разговор шел отрывистыми фразами, о многом было неудобно расспрашивать - БУХАРИН был перепуган провалом ЭЙСМОНТА и раскрытием связей ЭЙСМОНТА с "Васькой" (т.е. ШМИДОМ) и "Фомой" (т.е. СМЕРНОВИМ), но в вопросе о терроре у него не было никаких колебаний. По поводу моего приезда БУХАРИН выразил радость, что я еще не провалился и что в Саратове "также идет работа". Когда я характеризовал состав саратовской террористической группы, организованной мною (ЛЕБЕДЕВ, ЛАШКИН, КОВТУНОВ, ХУДЯКОВ), ЖИРОВ, прекрасно знавший саратовцев, спросил: "А почему ты не включаешь Тейку" (т.е. ЛЕВИНУ). Я сказал, что как - то неудобно ставить на такое дело женщину. Тогда БУХАРИН отозвался о ЛЕВИНОЙ: "Ого, эта женщина любого мужчину за пояс заткнет" и также предло-

жил ввести ЛЕВИНУ в состав саратовской террористической группы. В связи с этим БУХАРИН говорил также о недостатке "мужественных людей". "Впрочем, - прибавил он, - мы считаем, что Саратов - один из последних резервов, в Саратов может быть и не придется обращаться".

В связи с осенним провалом ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, я поинтересовался у БУХАРИНА вопросом о судьбе заключенного летом (или осенью) 1932 г. блока с зиновьевцами. БУХАРИН ответил, что блок продолжает существовать, что с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ (находившимися в ссылке) удалось установить связь, что с осени 1932 г. блок заключен также и с ТРОЦКИМ через СМЕРНОВА И.Б. - "примерно на тех же основаниях, что и с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ" и что уже существует единый террористический центр, который должен увязывать деятельность отдельных центров (центра правых, центра зиновьевцев и троцкистов с левыми).

Говоря о заключении правыми блока с троцкистами, БУХАРИН бросил следующую фразу: "Впрочем КАМЕНЕВ еще весной 1932 г. говорил ТОМСКОМУ, что у них, зиновьевцев, имеется уже договоренность с ТРОЦКИМ".

Затем, когда в связи с чем - то разговор зашел о прошлых годах, БУХАРИН, зная, что я в 1923 г. несколько колебался в сторону ТРОЦКОГО, а в начале 1925 г. вместе с АСТРОВЫМ - в сторону ЗИНОВЬЕВА, сказал: "Мы тогда тебя ругали, а ведь, пожалуй, было бы лучше, если бы уже в 1923 г. занять иную позицию, чем заняли мы".

О 1928 г. БУХАРИН опять-таки выразил сожаление, сказав, что лидеры правых не решились в мае - июле 1928 г. осуществить партийный переворот и свергнуть разом СТАЛИНА путем более

активной работы внутри ЦК и политбюро. "Теперь уже этого не вернешь, - говорил БУХАРИН, - теперь приходится иначе".

Таким образом в результате этой поездки особенно со слов БУХАРИНА, мне стало ясно, что вопрос о террористическом акте против СТАЛИНА поставлен уже на практическую почву, что центром правых в самой Москве сформирована не одна, а несколько законспирированных террористических групп, что у ЭЙСМОНТА тоже была такая группа и что сам ЭЙСМОНТ был связан с центром правых.

Выехал я в Саратов условившись, что в марте 1933 г. снова кто-либо из саратовцев должен приехать в Москву для получения инструкции.

Из Москвы я приехал с убеждением, что приближается решительный час, это убеждение укрепилось во мне после прочтения речи СТАЛИНА на пленуме ЦК, где СТАЛИН предупреждал, что он предвидит оживление контр-революционных осколков прежних оппозиционных групп. Я наметил, что в марте месяце я снова должен поехать в Москву и если будет согласие центра, предложу прежде всего свою кандидатуру для совершения террористического акта против СТАЛИНА.

Вопрос: Расскажите, что Вы успели сделать до Вашего ареста в Саратове после своего приезда из Москвы в осуществление директивы о терроре, полученной Вами от центра правых.

Ответ: Приехав из Москвы в Саратов, я передал ЛЕБЕДЕВУ ЛАПКИНУ, ХУДЯКОВУ и ЛЕВИНОЙ у себя на квартире в присутствии СМЕРНОВОЙ установки БУХАРИНА, в частности, на счет ЛЕВИНОЙ. ЛЕБЕДЕВ, ЛАПКИН и ХУДЯКОВ выразили живейшее восхищение по поводу жесткости характеристики, которую БУХАРИН дал ЛЕВИНОЙ. ЛЕВИНА не возражала и была включена в террористическую

группу. Я переговорил отдельно с ЛЕБЕДЬКИНЫМ и убедился, что из мужского состава группы, он действительно преисполнен наибольшей решимости. Однако, пришел все - таки к выводу, что будет лучше, если исполнителем террористического акта над СТАЛИНЫМ буду я или ЛЕВИНА. ЛЕВИНА, кажется еще в 1915 г., будучи в Психоневрологическом институте в Петербурге, пересылала СТАЛИНУ почтой деньги в ссылку. Совершенно естественно, что это обстоятельство ставило ее в выгодное положение. Она, по моему, легче других могла проникнуть к СТАЛИНУ. Смущало только то, что ни ЛЕВИНА, ни я не умели хорошо владеть оружием.

Предвидя репрессии, я установил, что в случае моего ареста, руководство организацией перейдет к ЛЕВИНОЙ, ЛИПКИНУ и СМІРНОВОЙ. К. СМІРНОВОЙ же был передан условленный с КАСПЕРСКОЙ текст телеграммы, которую она должна была дать, если меня арестуют: "Где мои большие туфли". СМІРНОВОЙ я также указал, что не нужно терять из виду СМІРНОВА Владимира, как человека ценного по своим качествам.

И действительно, вскоре я был арестован.

Вопрос: Поддерживали ли Вы связь с Вашими единомышленниками и с центром правых, находясь в изоляторе и в ссылке?

Ответ: Должен откровенно сказать, что тюрьма и ссылка меня не исправили, так же как и не исправили они подавляющее большинство других, находившихся там вместе со мной. Пользуясь теми ограниченными возможностями, которые дает тюрьма для связи с единомышленниками, я несколько раз через СМІРНОВУ К. передавал оставшимся в Саратове правым сигналы о том, что я не сдаюсь. В частности, на свидании летом 1933 г. я ругал АЛЕКСАНДРОВА П., АСТРОВА и АЙХЕНВАЛЬДА, кото-

рые, по имевшимся сведениям, давали следственным органам излишне откровенные показания. Наконец, за месяц до 17 партсезда я СМЕРНОВОЙ написал в письме прямо: "Я считаю, что я не совершил никакого преступления, за которое я должен сидеть в тюрьме".

Я должен сказать, что из Суздаля была также связь с центром правых по такой цепочке: Я-НЕСТЕРОВ (быв. секретарь РЫКОВА) - жена НЕСТЕРОВА-РЫКОВ и БУХАРИН. Осенью 1933 г. правые, с которыми я встречался на прогулке, разошлись по вопросу о том, подавать ли заявления о капитуляции или нет. ХАХАРЕВ, КАРМОЛИТОВ и АЛЕКСАНДРОВ С. подали заявления. НЕСТЕРОВ, ЛАПКИН и я не подавали заявления вплоть до того времени, пока не была получена директива центра правых по указанной выше цепочке. Жена НЕСТЕРОВА на свидании с мужем сообщила эту директиву, при чем через некоторое время НЕСТЕРОВЫМ был получен письмом даже примерный текст основных политических пунктов двуручнического заявления. НЕСТЕРОВ читал мне и ЛАПКИНУ этот примерный текст, заверив меня, что текст продиктован самим РЫКОВЫМ, как он об этом, дескать, условился на свидании с женой. Эта связь с центром придавала нам уверенность, что мы не покинуты вождями, что о нас помнят.

Осенью 1934 г. я через своего брата Евтихия дал знать СЛЕНКОВУ В., находящемуся в ссылке в Уфе, что я стою на прежних позициях.

Вопрос: С кем из правых Вы были связаны будучи в ссылке в Алма-Ата?

Ответ: Будучи в алма-атинской ссылке, я связался с ШАЛАХОВОЙ, проживающей в Уфе. Я с ней связался через моего

брата Евтихия, стоявшего на террористической позиции и работавшего в с. Усть-Икки, Мечетлинского района, Башкирской республики. От ШАЛАХОВОЙ я получил в мае 1936 г. записку, в которой содержалась фраза - "от учителя привет". Получив этот привет БУХАРИНА, я решил, что должен быть более активным и стал более энергично через ПОЛЯКОВА (ссылного троцкиста, с которым сидел вместе с Суздале) завязывать связи с ссылными троцкистами. Я выяснил, что троцкистская ссылка в Алма-Ате живет и дышит злейшим терроризмом, в частности, что ДИНГЕЛЬШТЕДТ с женой и сыном, ПОЛЯКОВ, СМЕРНОВА Р.М. (прежняя жена СМЕРНОВА И.Н.), СМЕРНОВА О.Н. (дочь СМЕРНОВА И.Н.), ЕСАЯН, АРШАВСКИЙ, БАВИНСКАЯ, РЕДИН, МЯТКОВА, сын КАМЕНЕВА - террористы. В Алма-Ате мне стало известно, что со слов ПОЛЯКОВА и АРШАВСКОГО, что СМЕРНОВ И.Н. через своих родных руководил контр-революционным террористическим троцкистским подпольем, даже находясь в тюрьме.

Вот то основное, что я имею показать. Я просил бы дать мне возможность в дальнейшем ходе следствия уточнять и дополнять отдельные моменты того, что я показал. Я просил бы также разрешить рассказать мне сейчас о моих настроениях.

Вопрос: Хорошо, рассказывайте:

Ответ: Наиболее важным показателем моих настроений суздальского и алма-атинского периода, я считаю, помимо указанного выше продолжения контр-революционной деятельности, свое отношение к убийству КИРОВА. Скажу прямо: я ощущал жалость к расстрелянным убийцам, сожаление, что пуля оказалась направлена не в СТАЛИНА, у нас перед возможностью провала

нашего центра. И в Алма-Ата такое же отношение к процессу контр-революционного троцкистско-зиновьевского террористического центра: я жалел этих убийц, являвшихся в сущности нашими соратниками. Я чувствовал ужас перед сознанием того, что мы одиночки, что и даже террор не может привести нас к власти, что почва окончательно ушла из-под ног. Но поведение наших лидеров - БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО во время моего пребывания в тюрьме и ссылке, когда я видел, что они не сдаются, что изворачиваются, продолжают вести борьбу со сталинским руководством, - давало мне моральную поддержку. И только с этой моральной поддержкой я мог продолжать террористическую деятельность, даже находясь в Алма-Ата. Я чувствовал, что мои вожди на меня рассчитывают, считают меня своим верным солдатом и действительно - своим вождям, реставраторам капитализма я остался верным до конца.

Этим и объясняется мое заперательство на следствии, основанное на решении: не выдавать своих вождей и соратников в самом центральном вопросе, - в вопросе о терроре.

Теперь, проанализировав свое прошлое, свое поведение на следствии, свое настоящее умонастроение, я пришел к твердому выводу, который и хочу со всей беспощадностью сказать. Буржуазное реставраторство настолько ввелось в мою кровь, в мою плоть, что исправить меня уже невозможно. Ни один честный советский человек не имеет права мне сейчас верить, не становясь предателем социализма, пособником буржуазной реставрации. Я в состоянии делать только одно. Проклинать тот день и тот час, когда я сошелся с БУХАРИНЫМ, когда решалась вся моя судьба. Но ни на что большее я не способен: Я сошелся с БУХАРИНЫМ и отсюда вся моя последующая судьба и моя без-

надежная гнилость. День моего сближения с БУХАРИНЫМ был днем
моей гибели для социализма. Контр-революционная бухаринщина
сидит во мне так глубоко, что даже проклиная ее, я в сущнос-
ти остаюсь буржуазным реставратором. Я проклиная БУХАРИНА,
так как даже нанося этим протоколом беспощадный удар по БУ-
ХАРИНУ, я не в состоянии перестать быть буржуазным реставра-
тором. Я знаю твердо, что ни сейчас, ни дальше, я не в состоя-
нии внушить к себе ничего, кроме гадливого отвращения. Я -
гадина и я прошу соввласть уничтожить меня как гадину.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано. -
 Допрос прерывается.

ЗАЙЦЕВ А.Д.

ДОПРОСИЛИ: НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НКВД САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ -
 КОМИССАР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА - ПИЛЯР.

НАЧ 4 -го ОТДЕЛА УНКВД САРАТ. ОБЛАСТИ -
 КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ - ГРИЦЕЛЕВИЧ.

НАЧ 6 ОТД. 4-го ОТДЕЛА УНКВД САРАТ. ОБЛАСТИ -
 ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ - КОРНЕЕВ.

В е р н о :

СТ. ИНСПЕКТОР 8-го ОТДЕЛА ГРУБ-
 ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:

(Голанский)